

Смогут ли немцы отличить русских от украинцев

[Матвей СЛАВКО \(Украина\)](#) - 15 июля 2017

Body

Мы, быть может, не очень обращали внимание в советское время на тему взаимоотношения великороссов и малороссов, затрагиваемую отечественной литературой советского периода. Навскидку вспоминается замечательный шолоховский эпизод, увеличенный кинематографической призмой С. Бондарчука, в его экранизации «Они сражались за Родину», где повар подразделения, которое готовится принять неравный бой, упитанный хохол Петр Лисиченко, окапываясь, ведёт беседу с подначивающим его Лопахиным:

«...Видишь, какое дело: возле моста бомбой овец несколько штук побило, ну я, конечно, одного валушка прирезал, не дал ему плохой смертью от осколка издохнуть, капусты на огороде добыл, воровски добыл, прямо скажу. Ну и поручил двум легкораненым за щами присматривать, заправку сделал и ушёл; так что у меня все в порядке. Вот повоюю немножко, поддержу вас, а придет время обедать — уползу в лес, и горячая пища по возможности будет доставлена. Ты доволен мною, герой?

Растроганный Лопахин хотел было обнять повара, но тот, улыбаясь, присел на дно окопа, сказал:

— Ты вместо этих собачьих нежностей одну гранатку мне дай — может, сгодится на дело.
— Дорогой мой тёзка! Драгоценный ты человек! Воюй, пожалуйста, теперь сколько влезет, разрешаю! — торжественно сказал Лопахин, отцепляя с ремня ручную гранату и с почтительным поклоном вручая её повару...»

В фильме Бондарчука эта сцена, непревзойдённо, с небольшими отступлениями от текста, сыгранная на неожиданном, словно предсмертном надрыве Николаем Шутько и Василием Шукшиным (в роли Петра Лопахина; это была последняя работа в кино известного артиста, кинорежиссера и писателя), пробивает зрителя насквозь и становится чуть ли не одной из эмоциональных кульминаций кинематографического полотна. Думается, немаловажна здесь заслуга в импровизации (малороссийская мова и т.д.) как замечательных артистов, так и режиссёра (тоже малоросса), задумавшего эту сцену, увидевшего её в ткани шолоховского текста как ключевую.

Однако более внимательное рассмотрение сочинений советских авторов и сегодня приводит к интересным открытиям. Известный киевский публицист Мирослава Бердник «откопавшая» рассказ [Сергея Николаевича Сергеева-Ценского](#) «У края воронки», подчеркивает на своей странице в Фейсбуке, что сейчас в сети много особей — зеркальных альтер эго свидомых, которые любят писать о генетическом и историческом (ни больше ни меньше) отличии украинцев от русских, однако предлагает оставить больных и акцентуированных личностей наедине с их демонами и прочитать рассказ известного писателя о том, как немецкие нацисты пытались сравить между собой украинцев и русских.

«Это было в начале войны, — начинает свой рассказ Сергеев-Ценский, — в июле, когда немецкие войска вторглись в пределы Украины, наполняя ревом несчетных самолетов и танков небо и землю. Заняв утром очищенное ночью нашим отрядом село Вербки, командир одного из пехотных немецких полков, барон Гебзаттель, получил от своего высшего начальства три часа на отдых и завтракал с несколькими из своих офицеров в хате сельсовета....

— С сегодняшнего дня, господа, мы уже не в Западной, а в Восточной Украине, то есть давно уже советской, — говорил он, — однако нам очень хорошо известно, как украинцы настроены против русских... В восемнадцатом году они ведь вполне были уверены, что получат полную независимость, а получили от русских большевиков советы! Вы, разумеется, знаете, что они не примирились с этим, а я скажу больше: они ждут нас, как своих избавителей. Они помнят, как мы дали им гетмана Скоропадского в восемнадцатом году, как мы поддерживали их Петлюру... А я, я лично, должен вам сказать, знаком был с вопросом о свободной Украине еще с пятнадцатого года, когда был лейтенантом, и никто другой, как мой дядя, генерал от кавалерии в отставке, был тогда председателем немецко-украинского общества... Еще бы, да я отлично помню, как торжественно открывалось это общество и как оно называлось даже... Признаться, несколько длинно, но... вразумительно, а именно: «Союз германских ревнителей украинских освободительных стремлений». Да-да, — пытаюсь улыбнуться, показал барон желтый оскал крупных зубов, — мы уже тогда были заняты теми самыми вопросами, которые решаем так блестяще теперь благодаря нашему фюреру!»

Дальше барон рассказывает, как «общество ревнителей» открывал его дядя «в зале ландтага и при очень большом стечении публики».

«Ненависть украинцев к русским поработителям — вот что, господа, позволит нам пройти Украину молниеносно и через неделю-другую быть уже одним частям в Москве, другим — на Кавказе! Большевики заставили украинцев служить в армии, но это нам только на руку. Что, кроме развала, может произойти от их принудительной службы? Армия большевиков рассыплется в прах при нашем нажиме, потому что она разноязычна! Большевики пожнут, что посеяли: они ввели на Украине свои советы, но оставили в неприкосновенности ее язык, а здесь-то и зарыта собака! Мы-то умеем вводить порядок в поработенных странах, а большевики лишены этого таланта... за что они и поплатятся очень скоро потерей всего своего европейского пространства!»

В этот момент полковой адъютант старший лейтенант фон Ган придумал «подходящее развлечение своему непосредственному начальнику». Он неплохо говорил по-русски, так как родился и рос в семье курских помещиков, спасавшейся от Октябрьской революции в Германии; был взят из запаса, имел уже почтенную лысину и мечтал добраться поскорее до своих бывших владений. Замысел фона состоял в том, чтобы доказать воочию молодым офицерам полка полную справедливость слов их командира, и он спешил опросить оставшихся в селе раненых красноармейцев, нет ли из них украинцев.

Таковые были найдены. «Четверо украинцев: сержант Задорожный и красноармейцы —

Линник, Очеретько и Готковой, и четверо русских: младший сержант Молодушкин, Плотников, Колдобин и Семенов — были отобраны фон Ганом из числа контуженых и тяжело раненных, но, по его мнению, могущих добраться до площади против хаты сельсовета. Все были опрошены, не коммунисты ли они, и все оказались беспартийными.

Задорожный, раненный пулей в левую ногу и потерявший много крови, когда его подняли, с трудом даже и стоял перед немецким офицером. Кровь хлюпала в сапоге, и он сказал просто так, самому себе, а не этому — серо-зеленому, с лоснящимся красным носом: — Перевязаться бы надо».

Ему отказали, и Задорожный вынужден был опереться на соседа, Плотникова, слева, поскольку «правая рука этого бойца висела плетью, ноги же были только ушиблены, однако шагать еще могли.

Молодушкин, худощавый, сероглазый, со стремительным профилем, со впалыми щеками, измазанными кровью, был ранен в голову вскользь, но гораздо более серьезной была его пулевая рана в плечо, а главное, он был придавлен крышей разметанного танком сарая, едва выбрался и имел теперь недоуменный вид. Он еще только пробовал каждый мускул своего тела, — какой служит, какой не хочет, а между тем надо будто бы собираться зачем-то в кучку, ему приказывает какой-то немец, — он в плену.

— Товарищ Очеретько, куда нас, а? — спросил он своего бойца, который отстреливался от немцев из сарая с ним рядом, вместе с ним был придавлен крышей, но выкарабкался раньше его и ему потом помог.

— Мабудь, танцювать, товарищ младший сержант, — сказал Очеретько без улыбки».

Это был ротный остряк, однако, «теперь этот круглоликий, приземистый полтавец имел понурый вид. Он оглядывал исподлобья улицу села, своих товарищей, немецких солдат около них и офицера, который что-то приказывал одному из них, стоявшему навытяжку. Очеретько трудно было держаться стоя.

...

Колдобин, рослый и дюжий, если смотреть на него сзади, стоял согнувшись. На спине его гимнастерки алело скупое пятно, молодое лицо его было землисто-бледное; он кашлял и отхаркивал кровь».

... Их вывели на площадь перед хатой сельсовета.

«...Старший из конвойных шел впереди, двое других по сторонам, равняясь на последних из пленных и приноравливаясь к их медленным, через силу, движениям.

Не один Плотников, еще и Линник с другой стороны поддерживал Задорожного, который ступал только правой ногой, а левую подтягивал; Готковой заботливо поддерживал Семенова, Молодушкин помогал идти Очеретько, и только Колдобин, держась рукою за грудь и сплевывая кровь, шел один.

Из того, что конвойные никого не подгоняли, Молодушкин сделал вывод, которым поделился с Очеретько:

— Куда-то хотят доставить нас в целости.

Очеретько же буркнул на это:

— Звістное дело, народ вумный.

Конвойный, шедший впереди, скомандовал: «Хальт!» — и не остановился около глубокой и обширной воронки среди площади. Со стороны хаты сельсовета к этому «котловану»

шли тот самый обер-лейтенант, который отбирал их и говорил с ними, но обогнал их, идя не по улице, а через дворы; рядом с ним высокий и важного вида полковник, а несколько сзади человек шесть офицеров; следом за ними несколько солдат несли лопаты.

— Видать, допрос будет недовгий, — сказал Очеретько.

«Барон Гебзаттель оглядел кучку раненых бойцов и обратился недовольным тоном к фон Гану:

— Где же здесь русские, где украинцы, я не вижу!

Это действительно было упущение обер-лейтенанта, и он призвал русских стать слева, а украинцев справа.

«Задорожный поглядел вопросительно на Молодушкина, подняв черные густые брови, тот на него, дернув кверху плечо, а Плотников сказал вполголоса:

— Стена на стену он нас пустить, что ли, хочет, а?

Однако он не выпустил руки сержанта, другие тоже остались на своих местах, несмотря на то, что все поняли команду.

Тогда конвойные, которым мигнул обер-лейтенант, ретиво подскочив, оттащили Плотникова от сержанта, при котором остался Линник, державший его крепко, и Очеретько от Молодушкина; Готковой же, передав Семенова Молодушкину, отодвинулся к Задорожному сам и стал на место Плотникова. Между украинцами и русскими бойцами расстояние было не больше двух шагов, но дело было не в том, чтобы их отделить друг от друга».

Фон Ган сказал:

— Украинцы!.. Мы все понимаем, все знаем! Вас заставили сражаться против нас большевики, — мы это знаем. В восемнадцатом году, тогда... все было тогда иначе, чем теперь. Тогда вы могли быть свободным народом, — вот чем могли вы быть тогда, если бы не русские большевики вами тогда овладели!.. Кто нес вам свободу, независимость тогда? Мы, немцы!.. Это называлось тогда по-украински, вы знаете, самостийность, — вот как это называлось, украинцы!.. Так я говорю? — вдруг перебил он свою речь вопросом, однако ему никто не ответил, и он продолжал, слегка взглянув на полковника: — Я говорю так, как надо: самостийность, и мы, немцы, вам ее дали, они же, русские, — показал он пальцем на Молодушкина и других, — у вас ее отняли!.. Они, русские большевики, с которыми мы воюем, отняли у вас все, чем вы жили: хозяйство, землю, завели эти самые кол-хо-зы, которые вы, — нам хорошо известно это, — ненавидите изо всех сил!.. Они отняли у вас религию, да, даже ре-ли-гию, а вы были такие религиозные — в каждом хуторе церковь и ваш этот, как называется, поп!.. Они уничтожили по-ме-щика, да, которого вы почи-та-ли... у которого вы... могли брать в аренду землю!.. Они, это они, русские, — он опять указал пальцем на Молодушкина, — ввели у вас большевизм, который вы ненавидите!

...

— Бреше, як цюцик! — заметил Очеретько.

Но немец потребовал у украинцев столкнуть в яму русских как своих врагов:

«Столкните сейчас же туда эту нечисть, и тогда-а... тогда мы вас будем лечить, украинцы, и мы вас вылечим, и мы вас пустим домой к своим семьям!.. Поняли? Ну... начинай!»

...

Очеретько слегка толкнул Задорожного, однако тот видел и сам, что ему надо ответить за всех своих, как старшему, и, кашлянув, начал:

— Во-первых, разрешите сказать вам, что это вы напрасно даже и сделали, нас разделили на русских и украинцев: мы все одинаково советские бойцы...

— Постой, постой! — закричал фон Ган. — Ты что это мне по-русски? Ты — украинец?

— Украинец!.. А вам як хочеться, щоб я по-українски балакав, то я можу и по-українски... .. То не важить, яка в мэнэ хвамилия, а шо касаемо вкраинец, то як же ні! Вкраинец, та ше из-під Пирятин... А як вы хвалилися, шо все чисто знаете, то може й то знаете, шо Пирятин — він скрізь усім приятель, так же, бачите, и руським... Касаемо земли, то вже ж усім звісно, — землю мы получили паньску у вічність... Касаемо леригия, — это ж кому як завгодно, — хіба ж у нас на леригию е запрет? А шобы Хитлера вашего заміст иконы встретить, то, сказать вам прямо, не треба, хай ему біс! ... Касаемо руських, то они у нашему Союзи на равних правах з нами, вкраїнцями, так же само й в Красной Армии, и того вы не дождетесь, щоб мы их, товарищей своих рідних, куды-сь товкали!»

Тогда фон Ганн обратился к русским: «В таком случае вы, вы, русские, столкните их, их, этих мерзавцев!

— Как смеешь называть их мерзавцами, ты-ы-ы, хлюст! — в тон ему, так же высоко и резко закричал Молодушкин, ставший вдруг страшным, со своими впалыми закровавленными щеками, потемневшими глазами и порывистым наклоном тела вперед.

— Провокацией занимаешься, сволочь, дурак?! Не на тех напал, гнида! — неожиданно громко выкрикнул в поддержку Молодушкину самый слабый на вид из всех восьмерых — Семенов.

И обер-лейтенант фон Ган, родившийся и проведенный детство, отрочество и юность в имени в Курской губернии, где не только были липовые аллеи, но и высокие цитроны в больших кадках в зимнем саду, потерял всю свою выдержку. Он выхватил револьвер из кобуры и выстрелил в Семенова, потом в Молодушкина, потом в Очеретько... Тут же подскочили и конвойные, выставив штыки...

Борьба у края воронки не могла быть ни яростной, ни долгой. Безоружные раненые, и без того еле державшиеся на ногах, не могли сопротивляться, и через минуту жесткая желтая земля уже летела вниз, засыпая иных убитых, иных еще живых восьмерых бойцов, а посрамленный затейник обер-лейтенант уходил к хате сельсовета, держась на шаг сзади высокопарного барона Гебзаттеля, имевшего несколько недовольный вид».

По завершении чтения короткого рассказа заметим, что европейские кукловоды теперешнего киевского режима тоже не умеют отличать по внешнему виду «русских» от «украинцев», но усилий по их сраиванию не прекращают. И, как видим сегодня, семьдесят пять лет спустя после событий, описанных Сергеевым-Ценским, кое в чем преуспели.

[Матвей СЛАВКО \(Украина\)](#) - 15 июля 2017

<http://webkamerton.ru//2017/07/smogut-li-nemcy-otlicit-russkih-ot-ukraincev>